

Б. С. Жаров

**ЗАХОРОНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ДАТСКОЙ ЗЕМЛЕ.
К 100-ЛЕТИЮ ВОССОЕДИНЕНИЯ
СЕВЕРНОГО ШЛЕЗВИГА С ДАНИЕЙ**

В 2020 г. Королевство Дания отмечает столетие важного события в своей истории. 10 июля 1920 г. датский король Кристиан X верхом на белом коне пересек датско-германскую границу в районе городка Тарс и был встречен восторженными приветствиями населения Северного Шлезвига, который вновь стал частью Королевства Дания. Эта часть входила позже в состав нескольких амтов Дании и является сейчас одним из пяти регионов страны под названием Южная Ютландия.

Можно предположить, что у Кристиана X к радости примешивалась некоторая горечь, так как его пожеланием было получить более значительное расширение территории страны с включением города Фленсбург. Но это не было реализовано, несмотря на предпринятую им попытку сменой правительства добиться выборов нового состава парламента. Попытка изменить ход истории сорвалась. «Пасхальный кризис 1920 года» оказался последним покушением датского монарха на власть парламента.

В соответствии с решением европейских держав от 14 марта 1920 г. в двух частях Шлезвига был проведен референдум о будущем этих территорий. Если население в южной выразило явное предпочтение остаться в составе Германии, то в северной большинство безоговорочно захотело воссоединиться с Данией. «Дания получила весьма необычное приобретение в виде территориального завоевания в результате войны, в которой сама участия не принимала»¹.

Именно таким образом на вновь обретенной датской территории оказались захоронения военных из различных стран, попавших в германский плен. В большинстве случаев это были солдаты из различных частей Российской империи, что объясняет парадоксальный факт наличия захоронений русских воинов в Дании, хотя между Россией и Данией

военных конфликтов никогда не было. Известно, что факт длительного мира между странами — скорее исключение, чем правило в истории многострадаальной Европы². В дальнейшем изложении используется материал о военнопленных периода Первой мировой войны, находившихся в 1914–1920 гг. в германском тогда и ставшем позднее датским Северном Шлезвиге, собранный датским историком Инге Адриансен в книге «Иван из Одессы. Военнопленные в Северном Шлезвиге и в Дании 1914–1920 гг.»³.

На протяжении веков королю Дании помимо собственной территории подчинялись герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург. Однако сложилось так, что они вошли в состав сначала королевства Пруссии, а позже Германской империи согласно условиям мирного договора, заключенного в Вене 30 октября 1864 г. после разгромного поражения Дании во Второй Шлезвигской войне, которую она вела против Пруссии и Австро-Венгрии. «Датская монархия лишилась двух пятых своего населения и территориальных владений и превратилась в незначительное по европейским меркам малое государство с территорией примерно 39 тыс. кв. км и численностью населения 1,7 млн. человек»⁴.

В герцогствах, начиная с 1864 г., действовали прусские, затем общегерманские законы и порядки. При этом настроения местных жителей были весьма разными. Поскольку в семьях родственные связи были сложными, датские историки избегают делить жителей на датчан и немцев и используют термины: «продатски настроенное население» (*dansksindede*) и «пронемецки настроенное население» (*tysksindede*). На протяжении этого периода первые стремились в любом виде сохранять исторические связи с Данией, вторые поддерживали германские власти и их решения. В то же время единственным официальным языком на всей территории был немецкий.

Все резко обострилось, когда 1 августа 1914 г. началась Первая Мировая война, и в Германии, в том числе в Шлезвиге, была объявлена всеобщая мобилизация. Отношение к войне у жителей Шлезвига было опять-таки разным: у продатски настроенного населения — весьма скептическим и скорее отрицательным, поскольку для них это была чужая война, у пронемецки настроенного — безусловно радостным при полной уверенности в скорой победе⁵.

Количество работавших в промышленности и сельском хозяйстве мужчин в связи с мобилизацией резко сократилось. Стали использоваться военнопленные, которые в герцогствах, как и во всей Германии, появились уже в 1914 г. Всего за четыре года войны в германский плен попало около 1 700 000 военнопленных из стран Антанты, воевавших с Германией, из них существенно больше половины составляли граждане

Российской империи⁶. Шлезвиг изначально был отсталым сельскохозяйственным районом, в котором нужда в труде военнопленных была наибольшей. Германские власти создали два больших лагеря (Лёгумклостер и Байструп) и несколько малых.

Часть военнопленных использовалась на торфоразработках, мелиоративных работах. Другие группами по 8–20 человек направлялись для сельскохозяйственных работ к крупным и средним землевладельцам в сопровождении охраны, которая, как правило, состояла из местных мобилизованных солдат самого младшего или самого старшего возраста. Использование труда военнопленных вскоре стало вызывать опасения властей, так как общение с местным населением могло привести к созданию у последнего слишком положительного представления о «враге». В связи с этим были установлены твердые правила, которые подлежали обязательному исполнению. Предписания начальства требовали препятствовать слишком тесному общению с пленными. Но когда пленные оказывались в местах, где преобладало протестантски настроенное население, то эти предписания, как правило, не соблюдались⁷. Запрещалось, например, фотографироваться вместе с пленными, и тем не менее у жителей, как позже выяснилось, сохранилось довольно много совместных фотографий, часть из которых приводится в книге. Не полагалось хозяевам принимать пищу вместе с пленными, но этот запрет также нарушался⁸.

В крупнейшем из лагерей на этой территории — Лёгумклостере — размещалось до 3000 человек разных национальностей. Условия жизни были тяжелыми, особенно у тех, кто трудился на торфоразработках. Тем, кто направлялся на сельскохозяйственные работы к местным хозяевам, было полегче. Можно вспомнить, что почти все солдаты, прибывшие из России, были крестьянами, и этот вид деятельности им был наиболее близок.

Дошедшие до наших дней данные о количестве военнопленных в разных местах весьма неполные. Только в архиве амта Обенро (позже вошедшего в состав региона Южная Ютландия) сохранилась картотека, из которой видно, что в 1915–1818 гг. было 1692 военнопленных, из них 1279 россиян и 413 представителей других стран, впрочем в состав последних включено также 176 человек, национальная принадлежность которых неизвестна (вероятно, большинство русских). Россияне подразделялись на лица, прибывшие из России (без уточнения) — 742, Великороссии — 351, Белоруссии — 14, Украины — 115, Сибири — 10, Грузии — 4, Бессарабии — 20, стран Балтии — 21⁹.

На территории Северного Шлезвига/Южной Ютландии до сих пор существуют захоронения военнопленных из России данного периода. В книге И. Адриансен дается карта с указанием особых кладбищ, а так-

же отдельных могил в других местах, где покоятся останки 175 русских воинов¹⁰. Более трех захоронений зафиксированы в Лёгумкlostере (54), Обенро (26), Хадерслеве (21), Нуструпе (17), Тинглеве (6), Сённерборге, Тофтлунне, Тённере (по 5), Граме, Соммерстеде (по 4). Говорится, что за могилами ведется уход силами церковных общин. В Лёгумкlostере поставлен большой обелиск в память умершим русским, французским и бельгийским солдатам¹¹.

Пленные, естественно, умирали, в том числе от эпидемий. Так, летом 1915 г. в лагере Лёгумкlostер разразилась эпидемия тифа. Заболевших было несколько сот человек, 70 из которых умерло¹². В других случаях пленные были застрелены при попытке к бегству. Граница с нейтральной Данией располагалась заманчиво близко. Туда разными путями: по суше и по воде — стремились попасть многие военнопленные, и некоторым это удалось. Один местный житель рассказывал позже в воспоминаниях, что некоему пленному русскому это удалось, причем только с седьмой (!) попытки¹³. Но так везло далеко не всем. На одной из сохранившихся могил есть надпись: «Здесь покоится военнопленный Иван Рудин, родившийся в России. Застрелен при попытке к бегству на датской границе 30.10.1915»¹⁴.

Одна неудавшаяся попытка бегства получила неожиданное отражение в датской литературе. Русский военнопленный Иван Абонасьев (по-видимому, искажение при первоначальной записи, фамилия, скорее всего, была Апанасьев или Афанасьев) из Одессы попал в заголовок книги И. Адриансен. Этот Иван (по-датски произносился с ударением на первом слоге) стал героем стихотворения тогда начинающего поэта Мартина Н. Хансена (Martin Nicolai Hansen, 1893–1976), жившего на острове Альс. Стоит отметить, что местный поэт был таким большим патриотом своего острова, что всю жизнь писал стихи не на общепринятом датском языке, а на альсском диалекте — одном из нескольких южноюландских диалектов. Печальная судьба россиянина взволновала поэта, и в 1918 г., когда остров был еще германским, он написал стихотворение, первые две строфы из восьми звучит так:

Ivan, Ivan Abonasjoff!
Jo, ham hovser æ så godt.
Ja, den stakkel, da han flygted,
kam e vagt, og han bløv skådt.
Han var hielt nenn fro Odessa,
høer' ålde fro sit hjem –
hans *madame* og hans *malinka*,
mon di no mod dem var slemm'?¹⁵

(Дословно: Иван, Иван Абонасьев! / Он попал в передрыгу. / Да, когда бедняга захотел совершить побег, / появился охранник и пристрелил его. // Он приехал из Одессы, / его дом далеко отсюда — / там его *мадам* и *маленькие дети*, / им, наверное, сейчас плохо?).

Дальше говорится, что он уважал датчан (*Danski gut!*) и желал поражения Германии¹⁶. Была ли создана музыка к этому трогательному произведению, неизвестно, но в нем последовательно выдержан стиль средневековой датской народной баллады.

После Брестского мира 1918 г., заключенного между Советской Россией и Германией, у военнопленных появилась надежда на освобождение, но в действительности никакого изменения в их жизни не произошло. Первые перемены проявились лишь после революции в Германии 9 ноября 1918 г., когда военная администрация лагерей уступила место гражданской. Пленные стали готовиться к отправке домой. Однако из-за гражданской войны в России в первую очередь были репатриированы представители других стран Антанты¹⁷. Возвращение военнопленных из России происходило в течение 1919 г. Некоторые использовали возможность перебраться в Данию, откуда отправились на пароходе «Оссиян» в Россию вместе с теми, кто попал туда раньше и приобрел статус беженцев, в апреле 1919 г.¹⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Палудан Х., Ульсиг Э., Расмуссен К. П., Бондеруп Г., Петерсен Э. С., Пульсен Х., Расмуссен С. Х. История Дании. М.: Весь мир, 2007. С. 401.

² Как известно, российский император Петр III в 1760–1761 гг. усиленно готовился к войне с Данией, но его супруга, став венценосной Екатериной II, помешала ему в этом.

³ *Adriansen I. Ivan fra Odessa: Krigsfanger i Nordslesvig og Danmark 1914–1920.* Sønderborg: Historisk Samfund for Als og Sundeved, 1991. 135 s. (Fra Als og Sundeved, bd 69).

⁴ Палудан Х., Ульсиг Э., Расмуссен К. П., Бондеруп Г., Петерсен Э. С., Пульсен Х., Расмуссен С. Х. История Дании. М.: Весь мир, 2007. С. 337.

⁵ *Adriansen I. Ivan fra Odessa.* S. 12.

⁶ *Ibid.* S. 15.

⁷ *Ibid.* S. 17.

⁸ *Ibid.* S. 42.

⁹ *Ibid.* S. 20.

¹⁰ *Ibid.* S. 66.

¹¹ Во время учебной поездки в 1990-е годы группа студентов датского отделения СПбГУ во главе с автором статьи посетила это кладбище и возложила цветы

на могилы соотечественников, призванных, чтобы защитить Родину и усопших вдали от нее.

¹² *Adriansen I. Ivan fra Odessa. S. 17.*

¹³ *Ibid. S. 52.*

¹⁴ *Ibidem.*

¹⁵ *Ibid. S. 51.*

¹⁶ *Полный литературный перевод стихотворения:*

Бедный, бедный Афанасьев.

Как мне жаль тебя, Иван.

Ты бежать хотел из плена,

Был застрелен как баран.

Ты приехал из Одессы,

Это страшно далеко.

Там жена твоя и детки,

Им живется нелегко.

Думал ты о них все время.

Вспоминая их, рыдал,

Словно ты, громадный русский,

Вдруг ребенком снова стал.

Был Иван обычно тихим

И не шел наперерез.

Но порой казалось будто,

Что в него вселялся бес.

Я с ним жестами общался.

Говорил он: “Данске гут!”

Каждый раз вопрос любимый

Задавал: “Герман капут?”

Но Германия держалась,

Не свалилась в пустоту.

Годы шли, и вот Ивану

Стало вдруг невольно.

Забывают люди скоро

Всех чужих, Иван из них.

Пусть же память об Иване

Сохранит вот этот стих.

Войны — время расставанья.

Кто остался, близких ждет.

Кто ушел, вернуться хочет.

Но увы, он не придет.

¹⁷ *Adriansen I. Ivan fra Odessa. S. 59.*

¹⁸ *Ibid. S. 90.*

ЛИТЕРАТУРА

История Дании. XX век. М.: Наука, 1998. 379 с.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. 502 с.

Палудан Х., Ульсиг Э., Расмуссен К. П., Бондеруп Г., Петерсен Э. С., Пульсен Х., Расмуссен С. Х. История Дании. М.: Весь мир, 2007. 608 с.

Партала М. А. Малоизвестные документы о захоронениях германских моряков на Балтике в годы Первой мировой войны (по материалам Российского государственного архива Военно-Морского Флота) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004, № 5. С. 165–171.

Adriansen I. Ivan fra Odessa: Krigsfanger i Nordslesvig og Danmark 1914–1920. Sønderborg: Historisk Samfund for Als og Sundeved, 1991. 135 s. (Fra Als og Sundeved, bd 69).